

ОБЫДЕННОЕ ЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Нина Курганова
(Тверь, Россия)

У статті обговорюється проблема дослідження етнокультурної специфіки побутового знання з погляду етнопсихолінгвістики. На матеріалі асоціативних експериментів, проведених в Росії і Франції, пропонується методика аналізу побутових уявлень про Францію в росіян та французів; виділяються загальні й національно-специфічні особливості в змісті стереотипного ядра, а також на рівні когнітивних структур.

Ключові слова: побутове знання, параметри національно-культурної специфіки, стереотипне ядро, когнітивна структура, когнітивна схема.

В статье обсуждается проблема исследования этнокультурной специфики обыденного знания с точки зрения этнопсихолингвистики. На материале ассоциативных экспериментов, проведенных в России и Франции, предлагается методика анализа обыденных представлений о Франции у россиян и французев; выделяются общие и национально-специфические особенности в содержании стереотипного ядра и на уровне когнитивных структур.

Ключевые слова: обыденное знание, параметры национально-культурной специфики, стереотипное ядро, когнитивная структура, когнитивная схема.

The article discusses the problem of specific ethnocultural traits of common knowledge as an object of ethnopsycholinguistics. On the basis of comparative association experiments carried out in Russia and France the author undertakes an analysis of common knowledge about France and Russia, distinguishes common and specific ethno-cultural traits in the stereotypes' core and cognitive structures.

Key words: common knowledge, dimensions of ethnocultural differences, stereotypes' core, cognitive structure, cognitive schemes.

Постановка проблеми. Усиливаючася глобалізація і інтенсифікація міжкультурного об'єднання актуалізували проблему національно специфічного в контенті свідомості, що побуджує дослідників з більшим увагою відноситися до опису особливостей конструювання образу світу носителями різних мов і культур.

Проблема етнокультурної специфіки когнітивної діяльності ставить задачу фіксації і порівняльного аналізу фрагментів знань, вироблюваних в різних лінгвокультурних суспільствах. Порівняльний аналіз образів свідомості неможливий без звернення до мови, саме тому, за словами А.А. Залевської, однією з актуальних задач психолінгвістики є уточнення ролі мови як *одного з засобів* формування знання і доступу до нього в різних видах діяльності [6, с.29].

Розв'язати проблему представлення в мові національно специфічного контенту свідомості "можливо тільки в межах інтегративних наук", до числа

которых относится *этнопсихоллингвистика* [17, с.13–14]. По справедливому замечанию В.А. Пищальниковой, именно этнопсихоллингвистика, которая исследует национально-культурную вариантность когнитивной и коммуникативной деятельности, призвана решать междисциплинарные проблемы содержания этнического сознания и национально-культурной специфики смыслообразования [17, с.12–13].

Актуальность изучаемой темы. Актуализация интереса к проблеме этнического сознания на рубеже третьего тысячелетия обусловлена рядом причин. Во-первых, это глобальные изменения в современном мире, когда на международную арену вышли многочисленные страны, народы и культуры [2, с.278], что требует изучения разнообразных стратегий познания и взаимодействия в человеческих сообществах. С другой стороны, с 60-70 годов XX столетия в мире наметился небывалый рост этнической идентичности [18, с.16]. В-третьих, следствием интеграционных процессов в мире явилась небывалая интенсификация межэтнических контактов и увеличение плотности межкультурного общения. В этих условиях огромное значение приобретают вопросы конструирования образа мира различными этносами, что предполагает проведение сравнительных исследований в области содержания сознания и отдельных фрагментов знания.

Отличительной чертой современных исследований в области когниции является интерес ученых разных направлений к исследованию *обыденного* или *повседневного знания*. По мнению А.А. Залевской, обострение внимания к особенностям обыденного знания вызвано пересмотром традиционных взглядов на специфику процесса познания в гуманитарных науках, в частности, изменением общенаучного подхода – переносом фокуса на живого (познающего мир, мыслящего, чувствующего, переживающего) человека [7, с.51]. В этой связи особый интерес для исследователей разных направлений представляет сфера обыденного познания, поскольку она в наибольшей степени обусловлена эмпирическим опытом личности, особенностями той среды, в которой осуществляется социализация и инкультурация человека.

Эффективность межкультурного диалога в немалой степени зависит от *образа страны* в представлениях рядовых граждан, в этой связи особую актуальность представляет сравнительное изучение стереотипов восприятия своей и чужой страны через призму обыденного сознания носителей разных языков и культур.

Анализ предыдущих исследований и публикаций по теме. Согласно А.А. Залевской, проблема знания как достояния человека относится к числу наиболее перспективных и фундаментальных проблем в *психоллингвистике* [6, с.29].

В психоллингвистике проблема знания предстает как проблема содержания *языкового сознания*. Е.Ф. Тарасов пишет, что “значения о языке и мире исчерпывают содержание сознания”, что это содержание формируется в процессе присвоения культуры и является ментальной формой культуры [19, с.50].

Знание, как результат сугубо человеческой деятельности, отличается двойственной природой [12]. С одной стороны, оно предстает как достояние индивидуального сознания и подсознания [7, с.51], а, с другой, выступает как элемент и продукт определенной культуры [1, с.177]. Двойственная (биологическая и социокультурная) детерминация культурного знания предполагает учет специфики познания на двух уровнях: психическом и

социальном, а также ставит вопрос о механизме связи психического и социального в сознании индивида.

Ученые единодушны в том, что, во-первых, знание не является гомогенным; оно представляет собой определенным образом *структурированную* совокупность: в его структуре можно выделить *ядро* или *поверхностный*, актуальный слой, который отражает самые общие и наиболее типичные представления, а также *периферию* как зону потенциальных индивидуальных различий. Структурирование обыденного знания на ядро и периферию является результатом постоянной коммуникации в обществе и выступает как необходимое условие адаптации человека к миру. В таком случае логично предположить, что ядро представлений формируется за счет наиболее востребованной и актуализированной части информации, которая играет жизненно важную роль для членов того или иного лингвокультурного сообщества. Следовательно, выделение *стереотипного ядра*, сложившегося на определенном этапе развития лингвокультурного сообщества, будет важной этнокультурной характеристикой обыденного знания.

В этнопсихоллингвистике ядро языкового сознания трактуется как “совокупность стабилизированных (но не статичных) на определенном этапе развития народа образов сознания в единстве их перцептивных, концептуальных и процедурных характеристик [17, с.21]”. Выделенность стереотипного ядра и периферии в структуре обыденного знания подтверждается результатами многочисленных ассоциативных экспериментов и, в частности, тех, которые были проведены нами во Франции и России (см. подр.: [10]).

Обыденное знание, не только структурировано по полювому принципу (ядро – периферия), но и *семантически организовано* в целостные структуры, поскольку “для построения образа объективной реальности требуется интеграция разделенных в пространстве и времени, но объективно связанных между собой сведений [20, с.275]”. Мысль о том, что знания сохраняются в упорядоченном виде тематическими группами, высказывали в свое время С.Д. Кацнельсон [9, с.111], В.Ф. Петренко [16].

В когнитивной лингвистике и психоллингвистике активно обсуждается проблема *моделей, форм и единиц знания*. Сегодня в отечественной науке в качестве основной единицы ментального знания признается концепт, но, вместе с тем, в научной литературе широко используются и другие термины: *образ, представление, схема, понятие, фрейм, сценарий*. М.В.Никитин считает, что данные единицы могут выступать “как разные стороны одного концепта, как возможные компоненты в содержательной структуре концепта [15, с.27]”.

В современной зарубежной когнитологии широко используется понятие *когнитивной схемы*, с помощью которой можно представить любое знание индивида. Когнитивная схема это, своего рода, *культурно обусловленные структуры знаний*. Так, американские ученые М.У. Айзенк и М.Т. Кин трактуют когнитивную схему как систему знаний, или как “организованный набор информации о мире, событиях или людях, который хранится в долгосрочной памяти” (цит. по: [14, с.18]). Когнитивная схема связывает культуру и психологию: “проникая в психику человека в процессе его социализации и инкультурации, когнитивная схема направляет действия человека”, она заставляет человека видеть мир под определенным углом зрения и действовать в соответствии со своей культурной детерминацией [13, с.431].

Главной **целью** исследования является сравнительное изучение содержания и структуры обыденных представлений о Франции у россиян и французов с целью выделения *основных параметров* этнокультурной специфики в сфере обыденного познания.

Знание есть результат определенной деятельности, следствие активности “познающего сознания”, в таком случае не вызывает сомнений, что содержание обыденного сознания будет самым непосредственным образом связано с *характером деятельности субъекта в определенной среде*. Следовательно, нетождественность социокультурной среды будет определенным образом детерминировать формирование и выбор *когнитивных схем* обработки информации у представителей разных культур. При этом мы полагаем, что канал поступления информации – опосредованный или непосредственный (прямой) – имеет решающее значение в процессе формирования когнитивных схем. Психофизиологической основой для подобного предположения служат тот факт, что в ходе реальной деятельности и в зависимости от конкретных условий соотношение между чувственно-перцептивным и вербально-логическим уровнями познания может меняться. Кроме того, при определенных условиях вербально-логический уровень может выполнять организующую и регулирующую функцию в построении образа и его стабилизации [4, с.16–19].

Напомним, что учет данной психофизиологической особенности позволяет ученым различать знание с точки зрения канала поступления информации. Так, японский лингвист О. Йокояма [8] выделяет два типа знания в зависимости от источника информации: *прямое* (или непосредственное, первичное) знание, то есть знание, которое приходит к человеку через один из его сенсорных каналов, и знание *косвенное* (опосредованное, вторичное), приобретаемое людьми в актах коммуникации и мышления [8, с.33]. Это дает основание предположить, что этнокультурная специфика обыденного познания может в определенной степени зависеть от канала поступления и обработки информации или от его роли в когнитивном процессе.

Компаративный подход к изучению содержания обыденного знания у представителей двух культур позволит лучше “проявить” общее и особенное в структуре обыденного знания и тем самым уточнить, на каком *уровне* формируется этнокультурная вариативность обыденных представлений.

Исследование этнокультурной специфики результатов когнитивной деятельности у россиян и французов потребовало уточнения методики анализа и процедур экспликации обыденного знания. Опираясь на концепцию А.А.Залевской о слове как главном *средстве доступа к информационной базе* человека [5, с.164–167], главным методом измерения этнокультурной специфики содержания было избрано *сопоставительное изучение* ассоциативных полей, полученных на слова-эквиваленты от представителей разных культур [21, с.6]. При этом методика проведения и обработки полученных результатов были модифицированы с учетом методологических установок конкретного исследования и поставленных задач. Участникам эксперимента было предложено дать в письменной форме по *пять* ассоциативных реакций на слово-стимул на родном языке. Это позволило нам получить более подробные и развернутые опоры экспликации обыденного знания, представляющие целостную ситуацию в единстве существенных и несущественных признаков.

В целях *содержательного* и *структурного* анализа фрагментов знания нами были использованы следующие операции и процедуры анализа:

1) выбор реакций на стимул из протоколов эксперимента, составление списков полученных реакций по убыванию частотности (от слов с самой высокой частотностью до единичных реакций) и с подсчетом количественных данных по каждому компоненту;

2) структурирование компонентов поля на ядро и периферию, выделение стереотипного ядра представлений в составе десяти наиболее частотных вербальных реакций по каждой группе испытуемых;

3) сопоставительный анализ ядерных компонентов поля в двух группах испытуемых с фиксацией общих и культурно-специфических элементов в содержании ассоциативных полей;

4) уточнение смысловой связи между словом-стимулом и ассоциатом и учет семантико-денотативной отнесенности компонентов исходных расчлененных структур позволили смоделировать определенные когнитивные слои в структуре обыденного знания;

5) сравнительно-сопоставительный анализ структуры фрагментов обыденного знания в двух культурах с выделением общих и культурно-специфических слоев в содержании обыденных представлений.

Изложение основного материала. С целью исследования этнокультурной специфики представлений о Франции через призму обыденного сознания россиян и французов нами были проведены ассоциативные эксперименты в России и Франции [11], участниками которых выступили студенты Мурманского государственного педагогического университета и французские студенты из города Лиона (Ecole Normale Supérieure и Université Lyon II); всего в экспериментах участвовало 134 человека, по 67 человек с каждой стороны в возрасте от 17 до 27 лет. Изначально мы предполагали, что отсутствие непосредственных контактов с Францией и непосредственного опыта социальной жизни в этой стране у российских студентов, несомненно, проявится как в содержании *стереотипного ядра*, так и на уровне *когнитивной структуры*.

Анализ содержания ассоциативных полей (АС – далее), полученных от двух групп испытуемых на слово-стимул **“Франция/France”** с точки зрения частотности, позволил выделить для каждой из групп *стереотипное ядро* представлений в составе 10 наиболее частотных реакций.

У французов в это ядро вошли следующие элементы: *pays (страна), culture (культура), Paris (Париж), liberte (свобода), maison (дом), gastronomie (гастрономия), diversite (разнообразие), famille (семья), vin (вино), fromage (сыр), paysages (пейзажи)*. У **россиян** 10 наиболее типичных реакций представлены следующими вербальными компонентами: *Эйфелева башня, язык, Париж, красота, мода, вино, духи, Европа, любовь, солнце*.

Сопоставив ядерные реакции, полученные от двух групп на слово-стимул **“France/Франция”**, мы смогли констатировать, что всего лишь два ассоциата из десяти (*Париж и вино / Paris, vin*) являются общими у россиян и французов. Соответственно 80% ядерных элементов оказались культурно-специфическими. Так, только у французов в ядре АС поля отмечены следующие вербальные реакции: *pays(страна), liberte (свобода), maison (дом), culture (культура), diversite (разнообразие), famille (семья), gastronomie (гастрономия), fromage*

(сыр). У россиян культурно-специфические компоненты представлены следующими вербальными реакциями: *Эйфелева башня, язык, мода, красота, духи, любовь, Европа, солнце*.

Из этого следует, что ядерные компоненты представлений о Франции не совпадают у французов и русских: для россиян Франция – это, в первую очередь, *Эйфелева башня, любовь, мода и красота, духи*. Для французских студентов Франция – это, прежде всего, *страна*, которая отличается высоким уровнем *культуры*, это страна *свободы и разнообразия*, и в этой стране находится их *дом и семья*.

С целью исследования *структурных* особенностей обыденного знания о Франции все вербальные реакции двух ассоциативных полей были проанализированы с учетом двух параметров: а) типа смысловой связи между словом-стимулом и ассоциатом и б) семантико-денотативной отнесенности компонентов. В итоге это позволило нам выделить определенные когнитивные слои, ранжирование которых с учетом количественных данных послужило основанием для моделирования когнитивной структуры представлений о Франции. У французов она представлена следующими сегментами:

1. **Природно-географическая среда** (66 ед.);
2. **Гастрономия** (59 ед.);
3. **Социально-политическая жизнь** (55 ед.);
4. **Способ связи со страной** (52 ед.);
5. **Культурное достояние** (51 ед.);
6. **Французы и их характеристики** (25 ед.);
7. **Свойства, качества, оценки** (27 ед.).

Выделенная структура в единстве всех слоев и будет, на наш взгляд, представлять собой специфическую схему когнитивной активности, которая, с одной стороны, репрезентирует обыденное знание *французов* о своей стране, а, с другой, обуславливает поиск и отбор соответствующих компонентов знания.

Классификация всех элементов ассоциативного поля, полученного на слово-стимул “Франция” в группе *российских* студентов, по тем же основаниям позволила реконструировать следующую структуру знаний о Франции в обыденном сознании россиян:

1. **Культурное достояние** (125 ед.);
2. **Свойства, качества, оценки** (70 ед.);
3. **Природно-географическая среда** (55 ед.);
4. **Артефакты** (28 ед.);
5. **Гастрономия и кухня** (23 ед.);
6. **Французы и их характеристики** (22 ед.);
7. **Способ связи со страной** (10 ед.);
8. **Социальные проблемы** (2 ед.).

Сравнительно-сопоставительный анализ двух когнитивных структур через призму восприятия россиян и французов позволяет сделать следующие выводы: несмотря на наличие общих слоев, структура обыденных представлений о Франции у носителей двух культур не является идентичной. У россиян ведущим направлением формирования обыденного знания о Франции является ее культурное достояние, поскольку одноименный сегмент является самым многочисленным (125 ед.) в данной группе испытуемых. Для россиян Франция – это, в первую очередь, страна многочисленных достопримечательностей,

культурных событий и достижений. Следовательно, первостепенную роль в формировании структуры обыденных представлений у россиян играет когнитивный признак **Культурное достояние**. Вторым по числу компонентов в этой группе испытуемых является слой **Свойства, качества, оценки** и лишь на третьем месте находится сегмент **Природно-географическая среда**. Важно отметить, что в структуре обыденного знания о Франции у россиян практически отсутствует сегмент **Социально-политическая и экономическая сфера**, но зато в значительном объеме представлены слои **Артефакты, Французы и их характеристики**.

В то же время у самих французов самым многочисленным и, следовательно, самым значимым с точки зрения обыденного сознания является сегмент **Природно-географическая среда**. На втором и третьем местах по числу компонентов находятся сегменты **Гастрономия** и **Социально-политическая жизнь в стране**. У французских испытуемых когнитивный слой **Способ связи со страной** также является актуальным направлением идентификации страны, поскольку информанты связаны с ней многочисленными узами: по факту рождения и проживания, через семью, друзей, учебу и работу. У россиян этот признак находится на периферии обыденного знания, что и подтверждается количественными данными: у французов в этом слое количество компонентов в 5 раз больше по сравнению с россиянами.

Выводы. Проведенный ассоциативный эксперимент подтвердил, что этнокультурная специфика обыденного знания на содержательном уровне может быть раскрыта с помощью понятий *стереотипного ядра* и *когнитивной структуры*, которые являются важными параметрами этнокультурной специфики содержания национальных образов сознания.

Сравнительный анализ обыденного знания о Франции позволил констатировать, что *стереотипное ядро* и *когнитивная структура* языкового сознания у представителей разных культур детерминированы, в первую очередь, опытом взаимодействия с природной и социальной средой обитания, в которой происходит социализация и инкультурация человека. Именно поэтому у французов наиболее значимыми направлениями идентификации своей родной страны являются такие параметры как природно-географическая среда и социально-экономические условия жизни.

Отсутствие непосредственных контактов и опыта проживания во Франции соответствующим образом моделирует когнитивные схемы у россиян. Здесь на первое место выдвигаются другие параметры: достопримечательности, символические или имиджевые объекты, а также артефакты, произведенные во Франции. Следовательно, результаты проведенного АС эксперимента позволяют сделать вывод, что этнокультурная специфика знания обусловлена деятельностным характером связи со средой, который предопределяет выбор канала поступления информации.

Перспективы дальнейшего изучения темы. Как верно заметил А.М. Пятигорский, *содержание* знания всегда вторично, производно по отношению к *событию* знания, ведь акт получения знания порождает содержание этого знания, а не наоборот [3, с.178]. В этой связи изучение *процессуальных аспектов* обыденного знания, в частности, исследование *когнитивных механизмов* и *стратегий* вербализации повседневного опыта будет представлять огромный интерес с точки зрения этнокультурной вариативности знания. Компаративный

подход к изучению фрагментов знаний в содержательном и процессуальном аспектах позволит, на наш взгляд, дать более полное представление о специфике когниции в сфере обыденного познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – 2-е изд. второе, перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 288 с.
3. БПС – Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 672 с.
4. Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.Л. Образ в системе психической регуляции деятельности. – М.: Наука, 1986. – 175 с.
5. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
6. Залевская А.А. Некоторые перспективные направления психолингвистических исследований // Языковое сознание: парадигмы исследования. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.–Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство “Эйдос”), 2007а. – С. 24–39.
7. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007б. – 560 с.
8. Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 424 с.
9. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 220 с.
10. Курганова Н.И. Межкультурный диалог как способ освоения культуры: Монография. – Мурманск: МГПУ, 2007а. – 312 с.
11. Курганова Н.И. Компаративный подход к изучению содержания и структуры культурного знания // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь, 2007б. – Вып. 7. – С. 94–105.
12. Курганова Н.И. Природа и сущность обыденного знания // Вестник Тверского государственного университета, 2008. № 17(77). Серия “Филологи”. Вып. 13 “Лингвистика и межкультурная коммуникация”. – С. 36–48.
13. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: Учебное пособие. – 2-е изд. – М.: Академический проект: Альма Матер, 2005. – 624 с.
14. Лютикова Е.В. Аксиоматика повседневности. Внеэрациональные основания познания и коммуникации: Монография. – М.: ИКАР, 2006. – 264 с.
15. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Studia Linguistica. XIII. Когнитивные и коммуникативные функции языка: Сб. статей. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – С. 18–34.
16. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
17. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: Курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2007. – 200 с.
18. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 368 с.
19. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.
20. Хофман И. Активная память: Экспериментальные исследования и теории человеческой памяти: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Б.М. Величковского и Н.К. Корсаковой. – М.: Прогресс, 1986. – 312 с.
21. Языковое сознание: формирование и функционирование: Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: РАН ИЯ. – 2-е изд., 2000. – 256 с.